

Цзинь Юй всё это время искренне переживал израильское поручение, которое дала ему Сюй Ло.

— Эй, разве раньше ты не был готов сидеть дома безвылазно, лишь бы не выходить наружу? Что такое, неужто изменился? — попытался он изобразить полное спокойствие, будто бы спрашивая между делом. Однако огонек праздного любопытства в его глазах выдавал его с головой.

Шэн Ци, делая вид, что вовсе не следит за ее действиями, услышав это, не задумываясь произнес:

— Она права, нельзя замыкаться в собственном мирке. Время молчит, но шаг не замедляется.

Его слова, прозвучавшие без особого воодушевления, навели меня на размышления: быть может, мне и впрямь стоит поверить в себя — в конце концов, я такая яркая и лучезарная.

Я тоже сказала ему:

— Шэн Ци, все они недостаточно уверены в себе, а стоит человеку обрести слабое место, как другие тут же норовят ухватиться за него. Но я — нет. Выбирай меня! А не выберешь — я останусь такой же лучезарной и яркой, и это будет твоя потеря.

Тогда он крепко прижал меня к груди, не желая отпускать. И отказывался забывать то, что было высечено в сердце.

Цзинь Юй на миг растерялся:

— Она?

Заметив, что Шэн Ци не собирается продолжать разговор, он умолк и с безмятежным видом тихо прошептал ему на ухо:

— Люди прилетают подобно осенним гусям по велению срока, а дела рассеиваются, как весенний сон, не оставляя следа.

С напутственным выражением похлопав его по плечу, он отвернулся, чтобы вместе с Сюй Ло погрузиться в секретную беседу лучших подружек.

Когда они, разговорившись до предела, уже не могли оторваться друг от друга и не хотели расставаться, я решительно прервала их — это означало, что преподаватель переходит к действиям.

Она велела каждому по очереди выйти к доске, рассказать о себе, о том, как прошли летние каникулы, поделиться своими увлечениями и интересами, чтобы найти общий язык с одноклассниками, имеющими схожие хобби, укрепить межличностные связи и общение, а также сократить дистанцию между друг другом.

Затем она вытянула из плетеной корзинки маленькую карточку. И повторяла это снова и снова. Попадались карточки самые разные — одни сулили испуг, другие радость.

По классу то и дело прокатывались вздохи и восторженные крики.

Мое лицо оставалось спокойным, ведь в условиях полной неизвестности я не могла заранее знать, окажется вытянутая карточка хорошей или плохой.

На нежно-лиловой с узором по краям бумаге изящным и красивым почерком было выведено: «Если кто-то предъявит к тебе требование, ты обязана подчиниться без всяких условий». А ниже шли мелкие строчки:

«Примечание: требования имеют строго ограниченную сферу применения, можно требовать лишь то, что указано на карточке».

Ало взглянула на мою карточку, после чего тут же поменялась со мной своей.

Я посмотрела на нее с недоумением, но она лишь бросила на меня успокаивающий взгляд. Затем они о чем-то пошептались с Цзинь Юем, и оба выглядели так, будто пришли к какому-то соглашению.

И многозначительно посмотрели на меня.

Я всё поняла: это был предвестник того, что они замышляют какую-то пакость.

Я сохраняла невозмутимость.

Но я чувствовала, как несколько жгучих взглядов скользят по мне: эти взгляды были горячими, но в то же время сохраняли дистанцию.

Начался напряженный этап распаковки слепых коробок. Тот, кто открыл первым, вытянул три комплекта олимпиадных заданий по китайскому, математике и английскому.

В отличие от нашего недовольства, он, напротив, испытывал некоторую благодарность и готов был буквально сдуть пылинки со своего приза. В будущем он станет нашим проводником и прекрасным примером для подражания.

Среди последующих наград были: право назначить кого-то своим соседом по парте, пятьсот юаней наличными, один дополнительный день личного отдыха, шестьдесят восемь роз, требование к кому-нибудь из присутствующих во весь голос исполнить песню, купоны на доставку еды (позволяющие пять раз проносить еду на территорию кампуса), участие в олимпиаде по химии... Лица ребят окрашивались самыми разными эмоциями по мере того, как разворачивались сложенные листки бумаги.

Атмосфера в классе была теплой и гармоничной, я растворилась в ней, отчаянно желая, чтобы время замерло ради меня прямо в этот момент. Но судьба, словно назло, никак не желала мне потакать.

Настоящее взросление заключается вовсе не в том, чтобы молить Бога о защите и покровительстве, а в том, чтобы поднять правую руку и сказать ему: я не склоню перед тобой голову.

В следующую секунду я, возможно, буду готова сломаться, отчаяться и почувствовать полное бессилие, но уже через мгновение я снова расправлю спину.

В конце концов, завтра ведь наступит новый день.

<http://bllate.org/book/19353/1892250>